

НИКОЛАЙ
ЛЕОНОВ
Алексей МАКЕЕВ
ПОЛКОВНИКУ
никто не верит

Полковник Гуров

Николай Леонов

Полковнику никто не верит

«Научная книга»

Леонов Н. И.

Полковнику никто не верит / Н. И. Леонов — «Научная книга»,
— (Полковник Гуров)

Маститого опера по особо важным делам полковника Гурова развели и подставили, как зеленого юнца! Неизвестный в телефонном разговоре назначил сыщику встречу с пропавшим агентом по фамилии Василевский. Приехав по указанному адресу, Гуров оказался у входа в ночной клуб, где его встретил верзила-охранник. Узнав фамилию гостя, вертухай сопроводил полковника в комнату для переговоров и незаметно запер дверь снаружи. Ловушка! Пока Гуров возился с замком и искал в темных коридорах клуба выход наружу, неизвестные успели похитить его жену. А утром следующего дня оперативника арестовали по обвинению в умышленном убийстве... «Жертвой» полковника оказался тот самый охранник из ночного заведения.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	26
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Николай Леонов

Алексей Макеев

Полковнику никто не верит

Глава 1

Сначала полковнику Гурову показалось, что впервые за очень долгое время вечер выдался по-настоящему тихим и спокойным. Можно сказать, семейный выдался вечер. Поскольку и его красавица-жена, известная актриса Мария Строева в эти часы также оказалась свободна от оков и соблазнов Мельпомены, а такая удача выглядела уже совершенно невероятной. Подобное совпадение можно было смело назвать настоящим чудом. Целый вечер вдвоем, без посторонних, без любимой работы, без тревожащих телефонных звонков – все, как у нормальных людей.

Впрочем, Гуров не завидовал тем, кого называл нормальными людьми. Ну, разве что самую малость. Он любил свою профессию и не считал потерянным то время, которое она отнимала. А работа оперативника умыкала массу времени.

То же самое было и с Марией. Ее профессия также была хлопотливой и также безжалостно расправлялась со временем. В лучах рамп и софитов оно сгорало весело – как бензин в двигателе мчащегося автомобиля. При этом Мария все-таки находилась в более выгодном положении, чем муж, потому что работа оперативника исключает такую приятную во всех отношениях вещь, как направленные на тебя со всех сторон восхищенные взгляды поклонников и поклонниц, цветы и признания в любви. Следовало признать, что работа в милиции была чуть-чуть поглубже и шансов на всеобщее признание оставляла очень немного. И взгляды полковник Гуров чаще ловил на себе далеко не восхищенные. Иногда они бывали очень даже неприязненными и сопровождались физическим воздействием. Одним словом, скучать не приходилось.

Но возможность спокойно и без приключений провести вечер обрадовала обоих. Гурову подумалось, что такое событие непременно следует отметить, и он предложил Марии закатиться в лучший ресторан.

– Ты наденешь темное платье, – фантазировал он перед женой. – И будешь смотреть на меня глубокими, загадочными глазами. Я повяжу свой лучший галстук и буду держать спину прямо, как настоящий полковник. Вокруг нас будут гореть свечи, а вышколенные официанты с непроницаемыми лицами будут откупоривать бутылки с шампанским...

– А потом из-за соседнего столика к нам с визгом кинется экзальтированная подвыпившая девушка, – с легкой иронией ответила Мария, – и сообщит, что всю жизнь мечтала стать актрисой, а ее кавалер пригласит меня на танец и окажется преступным авторитетом, который уже пятый год в розыске. И тебе вздумается его тут же взять со всеми вытекающими последствиями... Нет, Гуров, давай спокойно отужинаем дома. Без свидетелей. Только ты да я. В четырех стенах, с выключенными телефонами. Я мечтаю об этом уже третий месяц...

– Прекрасная мысль! – восхитился Гуров, нежно обнимая жену. – Странно, что она не пришла мне в голову первому! В самом деле, зачем нам публика? Зачем рестораны, палаццо, лимузины? Простые? искренние чувства не нуждаются в декорациях. А насчет шампанского я позабочусь. Вот сейчас спущусь в магазин, и через пять минут можно будет зажигать свечи...

– Замечательно! А я сейчас быстренько соберу на стол. Только не забудь отключить телефоны!

Гуров пообещал, что сделает это, как только вернется из магазина.

Интуиция подводила его очень редко, но на этот раз она, видимо, решила тоже взять передышку. Наверное, знай Гуров, что произойдет после его возвращения из магазина, он бы не повел себя так легкомысленно и последовал совету жены незамедлительно.

Собственно говоря, на первый взгляд ничего катастрофического не случилось. Просто, когда Гуров, одной рукой прижимая к ребрам пакет с увесистой бутылкой, а другой орудуя в замке ключом, ввалился в прихожую, зазвонил мобильный телефон в его кармане – дело совершенно банальное и, можно сказать, воспринимаемое на автомате.

Гуров так его и воспринял. Чертыхаясь, он выдернул ключ из замочной скважины, спрятав связку в карман и машинально вытащил освободившейся рукой телефонную трубку.

– Алло! Слушаю! – сказал он, поднося телефон к уху.

С кухни доносилось легкое позвякивание посуды – Мария готовила ужин на двоих.

– Это полковник Гуров – я не ошибся? – спросил в трубке бесцветный, но достаточно уверенный голос.

Подобный тон ничего хорошего дальше не предполагал. Возможно, на этом месте стоило бы прервать разговор, но тут как раз проснулась интуиция полковника Гурова. В его силах было нажать на кнопку и заставить телефон замолчать всерьез и надолго, но Гуров почувствовал, что прикоснулся к чему-то важному и опасному. Он не мог проигнорировать неожиданное обращение, потому что последствия в таком случае могли оказаться непредсказуемыми и необратимыми. Гуров уже сталкивался с подобными вещами. Он решил выяснить, что нужно от него незнакомцу с невыразительным голосом.

– Да, я полковник Гуров, – сдержанно ответил он. – С кем имею честь?

– Это неважно, – прозвучало в трубке. – Не в этом суть. Суть в другом. Вас, полковник, не удручает тот факт, что ваш хороший знакомый господин Василевский в последнее время так неожиданно исчез с горизонта?

Простой вопрос ожег Гурова, словно внезапный удар электрического тока. Попадание было точным – в самое яблочко. Гуров только старался делать вид, что все идет как нельзя лучше. На самом деле кое-какие проблемы продолжали виснуть на его шее, и господин Василевский был одной из них. С некоторых пор Василевский и вправду куда-то исчез, и это обстоятельство тревожило полковника Гурова все больше и больше.

Строго говоря, у самого полковника Гурова язык бы не повернулся назвать господина Василевского «хорошим знакомым», хотя они с завидной регулярностью встречались – правда, не испытывая при этом ни малейшего удовольствия. Ни тот ни другой не желали прерывать отношений, что выглядело вполне искренне, потому что оба связывали со знакомством определенные надежды. Все это походило на затяжную и довольно скучноватую игру, потому что никто из игроков не пытался форсировать события, ожидая со стороны противника (или партнера – что тоже не противоречило истине) неременного подвоха. Иными словами, господин Василевский в этой игре исполнял роль осведомителя. И не просто исполнял, но, как выяснилось впоследствии, очень помог Гурову в так называемом «деле Туманова». Именно благодаря действиям Василевского у Гурова появились основания арестовать Туманова, не опасаясь того, что того отпустят через несколько дней на свободу. Обвинение против Туманова было выдвинуто серьезное, но, по правде говоря, неожиданное. То есть взяли его совсем не за то, за что хотели арестовать. Судьба пошла Гурову навстречу и ускорила события. Господин Туманов, отличающийся вспыльчивым нравом, в приступе гнева собственноручно прикончил одного из проштрафившихся подчиненных – пристрелил его. А другой подчиненный, которым был не кто иной, как господин Василевский, представил органам правопорядка улики – пистолет с отпечатками пальцев хозяина, а также сведения о том, где спрятан труп погибшего. Туманова арестовали в двадцать четыре часа. Были также задержаны несколько его подручных, а у Гурова появился свободный вечер и надежда на то, что «дело Туманова» будет в конце концов раскручено до конца. Пистолет пистолетом, но от Василевского Гуров ждал совсем дру-

гой информации. Между тем он пропал, о чем сейчас недвусмысленно оповещал неприятный голос в телефонной трубке.

– Допустим, вы правы, и поведение Василевского вызывает у меня некоторое недоумение, – сказал он в трубку. – Но что из этого следует? И какое вы имеете к этому отношение?

– Я знаю, где сейчас находится Василевский, – тут же откликнулся незнакомец. – Мне показалось, что вам будет интересно перекинуться с ним парой слов. У меня есть сведения, что господин Василевский намерен покинуть Москву в самое ближайшее время. Счет пошел на часы, господин полковник!

– И где же Василевский сейчас находится? – ровным голосом осведомился Гуров, испытывая при этом сильнейшее волнение.

– Ночной клуб «Алина», – сообщил незнакомец. – Это неподалеку от Курского вокзала. И поспешите, потому что события напоминают снежный ком, несущийся с горы.

Завершив свою речь таким образным выражением, звонивший отключился. Надежды на то, что он возобновит связь, не было никакой. Гуров обессиленно привалился плечом к стене и, нахмутив лоб, пробормотал словно в забытьи:

– Вот так попали – на ровном месте и мордой об асфальт!

Он уже понимал, что сейчас же отправится в этот чертов ночной клуб, хотя от приглашения за версту отдавало провокацией. Вот только как все это объяснить Марии, он еще не придумал.

Она сама помогла ему. Почувствовав неладное, Мария выглянула в прихожую и увидела мужа, находящегося в тяжелом раздумье, с тяжелым пакетом в руках. Мария все поняла без слов – как-никак она была творческой натурой. Однако упрек в ее красивых, темных глазах читался слишком отчетливо.

– Прости, дорогая! – пробормотал Гуров, отводя взгляд. – Буквально полчаса. Ну, сорок минут. Сорок пять! Туда и обратно. Объявился наш самый важный свидетель. Я не могу позволить ему исчезнуть. Слишком многое на нем завязано, понимаешь? Мы и так уже в панике из-за того, что он пропал. А после этого звонка...

– Ага, значит, ты все-таки не отключил телефоны, как я просила? – констатировала Мария. – Поразительная беспечность!

– Я как раз собирался, – сказал Гуров, беспомощно разводя руками.

«Что выросло, то выросло, – покаянно размышлял он, спускаясь по лестнице. – Остается надеяться, что Мария никогда не узнает, куда я теперь отправился. Предпочесть ночной клуб тихому семейному счастью – это выглядит предельно вызывающе. Но видит бог, это был не мой выбор. Не знаю, что влечет туда Василевского – женщина, выпивка или какие-то темные делишки. И там ли он вообще, но надеюсь, что совсем скоро многое прояснится. Просто так подобные звонки не делаются».

Спустившись во двор и усевшись за руль своего верного «Пежо», Гуров постарался сосредоточиться и еще раз вспомнил все обстоятельства «дела Туманова».

Все началось около четырех месяцев назад. События развивались неспешно и, казалось, бесконечно, хотя их хронология могла уместиться в несколько строчек.

Вначале Гуров узнал о существовании некоего предприятия по производству молочных продуктов под названием «Белый континент». Хозяином «Континента» являлся господин Стаканников, но в этом качестве он с некоторых пор чувствовал себя неуверенно, а причиной тому были некие темные силы, вознамерившиеся разорить предприятие, скупить по дешевке его активы и полностью прибрать к рукам весь бизнес. Свои намерения злодеи даже не слишком скрывали. Скорее, наоборот. Они объявили о них сразу, призывая господина Стаканникова смириться и избежать таким образом многих неприятностей.

Стаканников решил бороться, и неприятности не замедлили начаться. Сначала это была легкая артподготовка. Основным акционерам «Белого континента» начали звонить по ночам,

угрожая расправой. Кое-кого и в самом деле избили в подъезде. Но этот факт был расценен милицией, как банальное хулиганство. Преступников не нашли.

А давление между тем продолжалось. Стаканникову пригрозили, что отравят продукцию. Он принял все возможные меры предосторожности, но не уберегся. Однажды в ночную смену трое неизвестных личностей сделали попытку проникнуть в цех готовой продукции. Злоумышленники действовали топорно, видимо, имея задание и на этот раз только навести побольше страху. Надо признать, что им это удалось. В схватке с ними серьезно пострадал охранник, у одной из работниц случился сердечный приступ, а также было испорчено дорогое оборудование. К счастью, никто не погиб, но зато после этого инцидента к событиям на заводе проявила интерес и милиция. Преступников, конечно, не поймали, но и версию о хулиганстве на этот раз пришлось отбросить. Легче Стаканникову от вмешательства милиции не стало, но кто-то посоветовал ему обратиться со своими проблемами к полковнику Гурову.

Лев отнесся к жалобе предпринимателя куда серьезнее, чем коллеги по районному отделу. Во-первых, Стаканников точно знал, кто является в этой истории главным кукловодом, и уверенно называл фамилию – Туманов. Во-вторых, нападение на ночную смену вовсе не показалось Гурову незначительным эпизодом. По его мнению, действия команды Туманова вполне тянули на разбой. К тому же фамилия Туманов была ему знакома. Этот делец специализировался на том, что узурпировал чужой бизнес. Верная и не много рассуждающая команда да неплохие связи в самых различных кругах общества являлись залогом успеха его сомнительной деятельности. Слухи о его делишках ходили повсюду, периодически бизнесом господина Туманова вдруг начинали интересоваться прокуратура, милиция или налоговая инспекция, но в итоге все опять успокаивалось, как гладь пруда после сильного, но короткого дождя.

Гуров успокаиваться не собирался. Он убедил генерала Орлова, своего непосредственного начальника, в необходимости подключиться к «делу Туманова». Строго говоря, такого дела в прокуратуре не существовало. Оно проходило там совсем под другим названием. Но Гуров не собирался разводить политкорректность. Он был убежден в том, что Стаканников не лжет, и охоту следует вести именно за Тумановым.

Однако добраться до того оказалось не самым простым делом. Гуров со своими людьми предпринимал несколько попыток, но все они закончились безрезультатно. Полковнику показалось, что Туманов, почуввав опасность, ушел на дно. Но когда Гуров совсем уже потерял надежду, вдруг произошло два значительных события.

Сначала обнаружилась партия отравленных молокопродуктов в магазинах, куда поставлял свой товар Стаканников. Чудом обошлось без масштабных жертв. Это сообщение прозвучало как гром среди ясного неба. Но самым неприятным оказывалось то, что прямых улик против Туманова не было – при каких обстоятельствах яд (а это были соли тяжелых металлов, явно полученные лабораторным путем) попал в продукты, никто из работников «Белого континента» объяснить не мог. Предстояла длительная и кропотливая работа, которая вполне могла закончиться ничем. Но в этот ключевой момент старый друг и напарник Гурова полковник Крячко привел к нему господина Василевского.

Этот неприятный, задиристый и суетливый тип уже давно работал в команде Туманова, пользовался у того доверием и знал про все грязные делишки. И он был готов поделиться своим знанием с оперативниками, но не просто так, а рассчитывая на некоторые ответные шаги.

Оказывается, этого пройдоху прищучили налоговики, обнаружив его причастность к неким сомнительным банковским счетам, на которых лежала довольно приличная сумма денег. Из некоторых намеков Василевского становилось понятно, что часть этих средств он, мягко говоря, позаимствовал у своего хозяина и благодетеля, причем за его спиной, и теперь как огня боялся разоблачения. Увода денежных потоков из личного русла Туманов не простил бы никому. В условиях современной России его гнев был куда опаснее претензий налоговой инспекции. Да и оперативников Василевский боялся куда меньше – это Гуров понял сразу.

Василевскому хотелось поскорее закопать хозяина, но при этом он тянул волюнку, надеясь выгадать что-нибудь для себя. Сильно давить на Василевского Гуров не хотел, опасаясь разрушить хрупкое взаимопонимание. Тот все обещал вывести Гурова на подпольную лабораторию Туманова, в которой был изготовлен яд, но постоянно откладывал это под разными предлогами. Так все, наверное, и шло бы, но тут у Туманова сдали нервы, и он пристрелил кого-то из своих шестерок. Все сложилось удачно. Уже на следующий день благодаря вмешательству Василевского в распоряжении Гурова были все улики, и Туманов в мгновение ока оказался за решеткой. Все произошло так быстро, что Туманов даже не успел удивиться.

Но далее ситуация как бы законсервировалась. Туманов сидел, Стаканников подсчитывал убытки и пытался выправить ситуацию, Гуров и Крячко допрашивали свидетелей убийства, попутно стараясь вытянуть из них показания насчет отравления продуктов, но с мертвой точки дело не двигалось. К тому же пропал Василевский, на которого возлагались основные надежды. Гуров надеялся, что главный их информатор не натворит никаких глупостей и вскоре объявится. И тут этот странный звонок.

Ночной клуб «Алина» не показался Гурову чересчур презентабельным местом. Скорее, наоборот. Он занимал угловое помещение в четырехэтажном вычурном строении, напротив которого располагался внушительный остов новостроя, затянутый со всех сторон сеткой, похожей на камуфляжную. Площадки для стоянки машин возле клуба не было, и автоводители парковали свои лимузины в соседнем переулке. На самом деле никаких лимузинов не было – Гуров заметил даже основательно побитый «Москвич», вызывавший исключительно ностальгические чувства. Над входом в клуб горели неоновые огни, но уже в десяти метрах за углом сгущался тревожный полумрак, и место от этого казалось слегка диковатым. Впрочем, в окрестных переулках царили тишина и порядок. Правда, у дверей клуба горячо спорили о чем-то трое подвыпивших мужчин в расстегнутых пиджаках, но, насколько мог понять Гуров, до рукопашной им было еще очень далеко, тем более что за спорящими индифферентно, но очень пристально наблюдал здоровенный детина в черной водолазке, сквозь которую выпирали уникальных размеров мускулы – видимо, местный вышибала, зорко стерегущий входные ворота.

Парковкой здесь нужно было заниматься самому, и Гуров потратил не менее десяти минут, прежде чем ему удалось втиснуть «Пежо» между серой «Калиной» и красным «Фольксвагеном». Когда он вернулся, спорщики уже исчезли. Вышибала посмотрел на него с великодушным равнодушием, которое можно было расценить, как благожелательность, и слегка дернул чугунным подбородком.

– Что-то я вашу личность не припоминаю. Кто пригласил или просто любопытствуете? – простодушно поинтересовался он, но тут же торопливо добавил. – У нас без церемоний. Геи к нам не заглядывают, конечно, – только нормальные мужики. А так все демократично.

– Если демократично, то для чего эти вопросы? – в свою очередь полюбопытствовал Гуров.

Детина махнул огромной ручищей.

– Это чисто типа мониторинга, – прилежно выговорил он непростое словечко. – Не обращайтесь внимания.

– Хорошо, не буду, – сказал Гуров. – Меня, собственно, другое интересует. Если я, например, захочу найти в клубе определенного человека, это будет не слишком сложно сделать? Вот мои документы, – и он сунул охраннику под нос удостоверение.

Благодушное настроение у того точно ветром сдуло. Детина нахмурился, и принялся внимательно изучать документ, но вскоре его грубое лицо просветлело. Он поднял глаза и кивнул Гурову как родному.

– А я вас ждал! – сообщил он. – У меня для вас записочка имеется! Где же она?..

Он принялся с озабоченным видом рыться по карманам. Гуров тут же засыпал его вопросами:

– Что за записочка? От кого? Кто вам ее передал? Что при этом сказал?

Вышибала достал из кармана скомканный листочек бумаги, бережно передал его Гурову. Тот развернул его и удивленно посмотрел на собеседника.

– Шутите, что ли? – спросил он. – Тут пусто.

Листок и в самом деле был девственно чист. Вышибала озадаченно посмотрел на предъявленное ему доказательство и почесал стриженный затылок.

– В натуре! – огорченно сказал он. – Ну, петросяны! Извиняюсь, товарищ полковник! Я не знал... Ах, ты, засада! – он вдруг шлепнул себя по лбу и радостно сообщил. – Так это... Он же мне на словах передал отвести вас в наш синий кабинет! Точно! Чуть не забыл! Записка запиской, но сказал: «А полковника отведи в кабинет...»

– Что за кабинет? – насторожился Гуров. – И кто вам это велел?

– Есть у нас тут кабинет для тихих бесед, – пояснил вышибала. – Не беспокойтесь, комфорт полный. Даже если понадобится куда выйти – там своя дверка имеется... И вообще. Пойдемте?

– Ну, пойдемте, – согласился Гуров. – Только вы мне объясните все-таки, что за человек с вами разговаривал.

– Затрудняюсь сказать, – ответил охранник, распахивая перед Гуровым дверь. – Личность незнакомая. Но мужик однозначно представительный – вроде вас. И в наших порядках разбирается. И вообще, заморочил он мне голову с этой запиской... Нет, вы видали, чтобы нормальный мужик другому пустой листок передавал?

– А кто у вас сейчас в синем кабинете? – спросил Гуров, с любопытством оглядывая помещение, в которое его впустили. – Случайно, не господин Василевский? Не слышали о таком?

Физиономия охранника выразила искреннее недоумение.

– Затрудняюсь сказать, – повторил он. – Мое дело – на стреме стоять. Фейс-контроль, короче. За кабинет у нас Михалыч отвечает. Сейчас вас отведу и его найду тоже. Он вам все, наверное, объяснит. А про такого, как вы сказали, про Василевского я не слышал – это точно...

Они прошли через небольшой и, как показалось Гурову, грязноватый холл и нырнули куда-то вниз, в подвал. На площадке двое мрачных электриков в темно-синей униформе ковылялись в распределительном щитке. Один из них посмотрел на Гурова и спросил сигарету.

– Не курю, – пожал тот плечами.

– И тебе лучше не курить, – хмыкнул на ходу вышибала. – А то не вырастешь.

Электрик был маленького роста. Шутка его, однако, не обидела.

– А мне расти некуда, – хладнокровно ответил он. – У меня квартира малогабаритная.

Охранник этих слов уже не слышал – он был внизу. Гуров спустился за ним по звенящим ступеням и оказался в довольно мрачном коридорчике с голыми кирпичными стенами. Его спутник обернулся и сказал виновато:

– Я вас тут повел, чтобы побыстрее. Подумал, что вам ни к чему будет в толпе толкаться... А тут мигом и без помех...

Они опять прошли по лестнице и оказались в другом коридоре – просторном и ярко освещенном. Вышибала распахнул перед Гуровым неприметную дверь, и они вступили в уютную тихую комнату, стены которой были обтянуты синей тканью. Хрустальные светильники распространяли вокруг рассеянный умиротворяющий свет. На столике отсвечивали аккуратно расставленные приборы и бокалы, белели накрахмаленные салфетки, серебром поблескивали ножи и вилки.

– Выпить хотите? – заботливо спросил детина. – Я пойду наемкну, чтобы вам принесли что-нибудь.

Гуров хотел запротестовать, но потом посмотрел в простодушные, незамутненные глаза охранника и понял, что разговаривать с ним бесполезно.

«Попробую сам разобраться, – решил он. – Осмотрюсь».

Вышибала кивнул, будто мог прочесть мысли Гурова, и тут же исчез. Гуров обошел комнату, пощупал пальцами обшивку стены, выглянул в коридор, убедившись, что тот по-прежнему пуст, и остановился напротив зеркала в богатой, отделанной под бронзу раме, гадая, не является ли это массивное, намертво укрепленное в стене изделие потайным окном для наблюдения за посетителями кабинета. Такое не казалось ему фантастическим. Ощущение легкой тревоги становилось все отчетливее. Гуров никак не мог догадаться, что за сюрприз приготовили ему в этом подозрительном заведении.

Минута шла за минутой, но в кабинете никто не появлялся. Даже обещанной выпивки никто не нес.

«Хорошего понемножку, – решил Гуров. – Нужно уносить ноги. А завтра непременно проверить эту богадельню. Все это кажется странным до безобразия. Хуже всего, что я не могу сообразить, для чего меня сюда выманили».

Вдруг некая безумная, но устрашающая мысль обожгла его мозг. Гуров вздрогнул и поспешно извлек из кармана мобильник. Он набрал номер своего домашнего телефона и стал с нетерпением ждать ответа.

Однако аппарат молчал. Гуров сделал еще один вызов – мобильного телефона Марии. Тот не отвечал тоже.

Бледнея, Гуров принялся названивать по обоим номерам. Потом сунул трубку в карман и бросился к двери. Та была заперта.

Не сразу осознав этот простой факт, Гуров с раздражением врезался в дверь плечом. Но не было никаких сомнений – замок заперли с противоположной стороны. Чертыхнувшись, Гуров метнулся назад к столу, схватил нож и попытался поддеть язычок дверного замка. Нож был необычный – изящный, с вытянутым узким лезвием, сделанный из прочной, но гибкой стали, с тяжелой серебряной рукояткой. Однако Гурову было не до аксессуаров. Перед его мысленным взором вставали картины одна другой страшнее. Он крыл себя за непростительную глупость. Как можно было клюнуть на эту немудрящую уловку и оставить Марию одну без защиты! Ведь с самого начала было ясно, что его элементарно водят за нос.

Гуров яростно орудовал кончиком ножа, и его усилия вскоре увенчались успехом. Замок щелкнул, и дверь распахнулась. Гуров отшвырнул в сторону нож и выскочил в коридор. Там по-прежнему было пусто. Откуда-то доносился ровный умиротворяющий шум, похожий на звук отдаленного прибоя – то ли гул многих голосов, то ли негромкая музыка. Гуров метнулся к лестнице. И тут погас свет.

Погас разом и, похоже, во всем заведении. Вокруг стало темно, точно в погребе. Липкая бархатная темнота липла на кожу лица, как паутина. Гуров с разбегу остановился от неожиданности и скрипнул зубами. Странные настораживающие события продолжались одно за другим. Он подумал, что свет погас неспроста, и тут же вспомнил про электриков, возившихся у распределительного щитка. Гуров побежал вниз, пробрался вдоль кирпичной стены на ощупь и снова поднялся наверх. Здесь на лестничной площадке отчетливо слышались испуганные крики многих людей, но никаких электриков не было и в помине. Гуров побежал дальше.

Разыскивать кого-то в крошечной темноте было бессмысленно. Он торопился домой. Добежав до машины, Гуров одной рукой отпер дверцу, а другой выхватил мобильник. На его вызов ни один телефон не ответил. Во время поездки Гуров с настойчивостью обреченного названивал и названивал домой, уже окончательно поняв, что проиграл.

«Кто не успел, тот опоздал, – тупо билась в голове единственная мысль. – Кто не успел, тот опоздал».

Глава 2

После внезапного ухода мужа Мария почувствовала себя плохо. Для нее тихий семейный вечер был таким же долгожданным чудом, как и для Гурова. Оставшись в одиночестве, Мария почувствовала себя обманутой. Оставив на кухне незаконченный ужин, она ушла в спальню и бессильно опустилась на кровать. Обида была настолько глубокой, что Мария едва удерживалась от слез.

Она была вполне самостоятельной женщиной, сама себя с полным на то основанием считала «железной леди», уже давно добившейся известности, успеха, благополучия, избалованной вниманием поклонников, режиссеров и продюсеров. Это ощущение постоянной востребованности помогало ей чувствовать себя уверенно в любой ситуации, помогало преодолевать невероятные трудности, а их в ее жизни было не так мало, как могло показаться со стороны. Просто Мария давно научилась прятать свои невзгоды от публики. Зрители не любят, когда от их кумиров отворачивается удача, и она привыкла быть везучей.

Даже свадьба с полковником Гуровым, имя которого ничего не говорило широкой публике, не нанесла ущерба ее имиджу. В этом поступке поклонники увидели то, что хотели увидеть, и то, что позволила им увидеть Мария – эпатаж, авантюру, с налетом некоторой загадочности и даже опасности, эдакие парижские тайны, сценарий плаща и шпаги. Только она сама да самые близкие люди знали, что на самом деле представляет из себя этот сдержанный, атлетически сложенный мужчина, с широким разворотом плеч и благородной сединой на висках. А он являлся для Марии воплощением надежности и силы. Он занимался действительно опасным и грубым делом, оставаясь при этом человеком большой души и удивительного такта. Вместе с ним в ее мир, отчасти эфемерный и призрачный, ворвалось дыхание настоящей жизни, дыхание горячее и резкое, иногда обжигающее до боли. Вряд ли можно было назвать ее положение уютным, зато Гуров и в самом деле оказался мужчиной, на плечо которого можно было опереться в любую минуту. Да Мария и не искала уюта. И к тому же она просто любила Гурова.

Любила до сих пор, несмотря на то что муж разочаровывал ее слишком часто. Нет, он тоже любил ее, но работу свою он любил все-таки больше. Мария говорила себе, что она выше ревности. Тем более что ревность эта относилась не к живой сопернице, а к мужскому делу, к ремеслу, которому муж отдал большую часть жизни. Но стать выше удавалось не всегда. Например, сегодня это никак не получалось. Слишком велико и неожиданно было разочарование.

Мария понимала, что муж не мог оставить ее в такой вечер одну из-за каких-нибудь пустяков. Раз он решился на такой шаг, значит, причина действительно была серьезной. Но осознание этого нисколько не помогало. В довершение всего Мария начала фантазировать, что могло вызвать мужа из дома в такую минуту – и фантазии эти с каждым разом делались все страшнее. Мария уже просто не могла находиться на одном месте. Она решительно поднялась и направилась к платяному шкафу.

Куда она пойдет, Мария еще не решила. Никаких планов у нее не было. Просто она больше не могла находиться в замкнутом пространстве. Уходить далеко тоже не стоило – Гуров мог вернуться в любую минуту. Мария решила подождать его на улице. Она просто прогуляется под кронами ночных деревьев, подышит прохладным воздухом, посмотрит на звезды – это успокоит ее. Если ожидание затянется, то она позвонит. До сих пор Мария не собиралась беспокоить мужа звонками – она уже знала, что для оперативника неожиданный звонок бывает так же неприятен, как и для актера. О, эти деловые люди, не расстающиеся со своими навороченными трубками, пищущими и хрюкающими в самый драматический момент спектакля!

Нет, она не станет отвлекать мужа до тех пор, пока не поймет, что дело принимает серьезный оборот. В конце концов, за ней еще ужин.

Мария собралась, взяла телефон, сумочку, ключи и вышла из квартиры. По ступенькам она почти бежала, точно кто-то ждал ее внизу к назначенному часу. На лестнице ей никто не встретился. За солидными, с толстой обивкой дверями было тихо. Во всяком случае, так казалось Марии, и она завидовала этой благодатной домашней тишине.

На крыльце ей в лицо сразу ударил ветер, пахнувший влагой и листьями. Судя по всему, погода вот-вот должна была испортиться. В воздухе уже порхали почти невесомые бисеринки дождя. Мария с беспокойством посмотрела на небо. О зонте она, конечно, не подумала, но и сейчас мысли ее были не о себе, а о муже. Если он задержится, то наверняка попадет под дождь, подумала Мария. Кто знает, будет ли он в этот момент в машине?

Раздумывая над тем, куда мог отправиться Гуров, Мария сошла с крыльца и повернула налево. И почти сразу же во двор навстречу ей, сверкая фарами, въехала машина «Скорой помощи».

Мария невольно остановилась. Появление белого автомобиля с красной полосой показалось ей сейчас дурным знаком, тоже как-то связанным с мужем. Разум подсказывал, что никакой связи быть не может, потому что Гуров далеко, и «Скорая помощь» не может разыскивать его здесь, какая бы катастрофа ни случилась. Это было очевидно, но тем не менее при виде неотложки Мария почувствовала почти физическую дурноту.

Машина ослепила ее фарами и проскочила мимо, остановившись напротив подъезда. Мария обернулась, ожидая увидеть озабоченных медиков, торопливо выскакивающих из дверей. Но машина, тихо урча, стояла у подъезда, и только мошара вилась в лучах фар. Никто не выходил.

В этот момент Мария услышала за спиной легкие шаги, а потом деловитый мужской голос.

– Мария Строева, если не ошибаюсь?

Голос был совершенно незнаком. Звучал он достаточно приятно, но что-то в нем заставило Марию вздрогнуть. Она снова обернулась, резко и испуганно. Незнакомый человек, коренастый и широкоплечий, стоял напротив нее, слегка подавшись вперед, словно готовился в любую секунду подхватить Марию, если та лишится чувств.

– Да, это я, – сдавленным голосом произнесла Мария. – Вы кто? Что-то случилось?!

– Увы, – скорбно пробормотал незнакомец. – С вашим мужем случилось несчастье. Мы приехали за вами.

Где-то в уголке мозга мелькнула мысль, что никакой машины поблизости, кроме «Скорой», не видно, а между тем этот человек из нее не выходил, и все это выглядело очень странно, но рассуждать здраво в эту минуту было слишком тяжело. Мария пошатнулась и, действительно, едва не упала на руки незнакомого мужчины.

– Где он? – отрывисто спросила она. – Он жив? Что... Что с ним? Говорите же!

Мужчина предупреждающе поднял руку.

– Успокойтесь! – заботливо сказал он. – Не нужно впадать в панику. Я уверен, все будет хорошо. Но мы подумали, что вы захотите увидеть мужа...

– Разумеется, я хочу его видеть! – сердито бросила Мария. – Но прежде я хочу знать, что с ним...

Кровь бросилась ей в лицо, в груди потеплело. Весть о том, что Гуров все-таки жив, придала сил, но будто опьянила ее. Коренастый осторожно взял ее под руку.

– Прошу в машину, – сказал он. – Я сейчас все вам объясню.

Он все-таки повел Марию к санитарной машине. Она шла точно во сне. Ей казалось, что она ступает по болотным кочкам, которые колышутся под ногами и каждую секунду грозят кануть на дно. Если бы не заботливая поддержка незнакомца, она бы не прошла эти несколько метров.

– Я вас не помню, – сказала Мария. – Вы работаете вместе с мужем? В главке? Вы из какого отдела?

Сослуживцев Гурова она многих знала, но этот был ей определенно незнаком. Когда свет упал на его лицо, Мария обнаружила, что ее спутник обладает ничем не примечательной внешностью – такого увидишь в толпе и тут же забудешь. Одет мужчина был аккуратно, но тоже неприметно – темно-серый костюм, скромный галстук. «Бойцы невидимого фронта, – машинально подумала Мария. – Впрочем, мой Гуров выглядит совсем иначе...»

В памяти ее на миг возникла высокая, спортивная фигура мужа – широкие плечи, превосходно сидящий костюм, одна рука небрежно засунута в карман, в глазах насмешливые искорки – видение было настолько явственным, что Мария едва не застонала от тоски.

– Что же все-таки с ним такое? – воскликнула она.

Мужчина нажал на ручку дверцы и распахнул ее перед Марией.

– Прошу вас, садитесь, дорога каждая минута, – сказал он, помогая Марии подняться в салон.

Она оказалась в машине – посреди салона носилки, над которыми болталась капельница, мягкие сиденья, шторы на окнах и двое крепких мужчин в зеленоватой профессиональной униформе. Физиономии обоих закрыты марлевыми повязками, точно они были намерены вот-вот приступить к операции.

Дверца захлопнулась. Одновременно резко и угрожающе взревел двигатель. Автомобиль рванул с места так неожиданно, что Мария не смогла удержаться на ногах. Коротко вскрикнув, она полетела прямо в объятия человека в маске. И тут же сзади на нее навалился ее заботливый спутник. Вдвоем они начали выкручивать Марии руки, стараясь повалить ее на жестко закрепленные посреди салона носилки. Она закричала. Но тут же сильные пальцы вцепились в ее голову, больно прищемили волосы на виске. Липкая полоса скотча намертво перехватила ее губы. Теперь Мария не могла издать ни звука.

Ее повалили на носилки, пристегнули широкими плотными жгутами, накрыли белым покрывалом, как покойницу. Капельница с каким-то раствором болталась над ее головой. Мария видела стекающие по прозрачным стенкам капли. Машина неслась стрелой по улицам города, завывая сиреной. Час был уже поздний, и, разумеется, никто не стал бы останавливать в такой час спешащую по делам «Скорую помощь». «Эти негодяи все продумали, – мелькнула в голове бессильная мысль. – Но как же я не смогла понять, что это ловушка? Как?!»

Кусать локти было поздно. Впрочем, при всем желании Мария не смогла бы этого сделать – и локти, и колени ее были накрепко притянуты к носилкам, рот заклеен.

– Закройте ей глаза! – распорядился коренастый, который был, видимо, старшим в этой компании. – Да не завязывайте, придурки! Закройте салфеткой! И укрепите капельницу, чтобы не болталась, как яйца у верблюда! Вы больную везете! Где белый халат?

На лицо Марии набросили белую салфетку, еще удерживающую запах стирального порошка. Мария сообразила, что в машине не присутствует обычный для медицины запах дезинфекции. Этот строгий специфический запах в той или иной мере всегда связывался в ее голове с больницей. Здесь его не было. Значит, все это являлось имитацией. Собственно, все происходящие события только подтверждали ее догадки. Но это означало, что дела совсем плохи. Сначала выманили из дома Гурова, потом ее. Мария была испугана, но способности рассуждать не потеряла. Если все дело в Гурове, то он сейчас, скорее всего, жив, а ее похитили, чтобы оказывать давление на мужа. Этот вариант был самым терпимым. Если же дело в ней, тогда все очень плохо. Сначала обезвредили Гурова, потом похитили ее. Следующий шаг – выкуп. Но с кого они намерены его получить, вот вопрос? Что-то здесь не сходилось.

Между тем рядом с ней завозились, зашуршала накрахмаленная ткань. Мария сообразила, что коренастый нашел белый халат и теперь облачается в него. Что ж, легенду себе они придумали почти беспронимчивую. Самоотверженная бригада в белых халатах спасает жизнь

женщины. Забавно, если они действительно с медицинскими дипломами. Хотя, скорее всего, это только удобный камуфляж.

– Всеволод Игнатьич, – неожиданно прогудел над головой Марии густой, с оттенками подобострастия голос. – Все-таки на душе как будто беспокойно. Может, вколоть ей успокоительного? Не дай бог, тормознут, а она...

– Пасть закрой! – мгновенно отреагировал коренастый. Теперь голос его звучал зло и раздраженно. – Сказано – без имен. Простых вещей уяснить не в состоянии? А насчет успокоительного тебе голову ломать нечего. Лучше думай о том, чтобы не опрофаниться, когда тормознут. Вот о чем думай и помалкивай!

Мария поняла, что один из псевдоврачей проговорился, назвав вслух имя коренастого. Значит, у них был уговор – никаких имен, подумала Мария. Это обнадеживало. Раз так, значит, по крайней мере в ближайшее время ее не собирались убивать. Всеволод Игнатьич – она это запомнит. Наверняка пригодится. И, конечно, прав этот Всеволод Игнатьич, что с успокоительным нужно повременить. Сейчас оно ей ни к чему.

– Ничего ей колоть не надо, – назидательным тоном продолжил коренастый. – Нам она сейчас с ясной головой нужна.

Как ни страшно было Марии, однако после такого заявления она с черным юмором подумала: «С ясной головой! Черт возьми! Партию в шахматы мне предложить хотят, что ли? Станные люди. Но интересно, если бы я сама не вышла из дома, что бы они предприняли тогда? Неужели попытались бы проникнуть в квартиру? Хотя что тут удивительного? Разумеется, они проникли бы. Так же сказали бы из-за двери, что Гуров в опасности, и я тут же подняла бы лапки кверху... Господи, но что же слевой?!»

На этот вопрос по-прежнему не было ответа. Если про себя Мария уже знала, что еще поживет, то про мужа с уверенностью ничего сказать было нельзя, и осознание этого убивало Марию. Пожалуй, она сейчас и на успокоительное согласилась бы. Впрочем, эти коновалы наверняка пичкают свои жертвы лошадиными дозами. Лучше потерпеть – наверняка скоро все должно разъясниться.

Однако пришлось терпеть гораздо дольше, чем ожидала Мария. Они ехали куда-то не менее полутора часов. По всем расчетам и по некоторым признакам получалось, что они находятся где-то за городом. В этом Мария лишний раз убедилась, когда машина вдруг заметно сбросила скорость и осторожно покатила по каким-то кочкам, переваливаясь с боку на бок, словно вышедшая на прогулку утка. Сирену водитель давно выключил. Теперь преступники явно старались не привлекать внимания.

Наконец машина вздрогнула и остановилась. Наступила тишина, которая явно затягивалась. Похоже, коренастый, отодвинув шторку, изучал в окне ночной пейзаж. Потом он с неудовольствием сказал:

– Только дождя сейчас не хватало! Ладно, распаковывайте ее! Сейчас я приду. Только посмотрю, что там...

Щелкнула дверца. Прохладный ветер ворвался в салон. Действительно, пахло дождем, но шума капель не было слышно – должно быть, еще только начинало моросить.

С Марии грубо сорвали простыню, жгуты, салфетку с лица, сняли с носилок, разрешили сесть. Каждое движение причиняло ей сильную боль, все тело затекло, голова кружилась. В машине было темно, поэтому тех, кто сидел с ней рядом, Мария не видела. Она только чувствовала неприятный запах мужской плоти и жар, исходящий от крепких, чужих ей тел. Это было так омерзительно, будто посторонние похотливо прижимались к ней. На самом деле они только окружили ее на сиденье с обеих сторон, пресекая любые помышления о бегстве.

Несмотря на отвращение, Мария едва сдерживала себя, чтобы не засыпать своих стражников вопросами. Она не думала, что эти двое что-нибудь знают. Это были пешки, не более того, но у нее уже не хватало сил оставаться в неизвестности.

К счастью, вовремя вернулся коренастый. Мария едва не назвала его вслух Всеволодом Игнатьичем, но вовремя спохватилась. Вряд ли ему понравилась бы ее памятьливость. Да он и не собирался давать ей слово.

– Значит, так, госпожа Строева, – деловито заговорил он, плюхаясь на сиденье напротив нее. – Наше с вами путешествие закончилось. Прошу вас проникнуться сознанием того, что закончилось оно в целом для вас счастливо. Ведь вы уже, вероятно, вообразили себе Бог знает что – сырой подвал, кровь на стенах, свой расчлененный труп... Я угадал? Ну что же, очень часто именно так все и кончается, но не в вашем случае. Вы хорошо слышите, что я вам говорю?

Он наклонился к Марии и вдруг с глубочайшей досадой выкрикнул:

– Снимите с ее лица скотч, идиоты! Я же сказал!..

Чья-то рука сорвала с ее губ липкую полоску. Мария едва удержалась, чтобы не вскрикнуть от боли.

– Ну так, а то я уж подумал, что вы заснули, – хмыкнул Всеволод Игнатьич. – Продолжим. Вы все слышали, что я сказал?

– Да, слышала, – хмуро подтвердила Мария.

Никто не знал, каких усилий стоило ей произнести эту фразу спокойно! Не узнал этого и Всеволод Игнатьич. Он был вполне доволен реакцией своей пленницы. Ее адекватность была, видимо, для него самым важным условием переговоров. Ясная голова, как было сказано ранее.

– Вот и хорошо, что слышали, – удовлетворенно кивнул он. – Значит, повторяться не будем. Ваша жизнь продолжается. Счастливая жизнь красивой, талантливой и успешной женщины. Кстати, я большой поклонник вашего таланта. Короче, мы вас отпускаем. Прямо сейчас. Вы свободны.

– Для этого вы завезли меня черт знает куда? – спросила Мария. – Чтобы признаться в любви моему таланту?

– Конечно, нет, – спокойно возразил Всеволод Игнатьич. – Просто вы должны были хорошенько все прочувствовать. Понять сладость свободы, так сказать.

– Чего вы от меня хотите?

– Почти ничего. Я знаю, что муж вас обожает. Думаю, ради любимой жены ему будет нетрудно пойти на сделку с совестью. В конце концов, любовь ведь правит миром, не так ли?

– Что вы имеете в виду? – спросила Мария. Из контекста беседы она сделала вывод, что муж жив и здоров, и это придало ей сил.

– Ваш муж должен перестать копать там, где он копает, – строго сказал Всеволод Игнатьич. – Он получил, что хотел. Другой вопрос, как долго ему удастся держать в руках эту рыбку... Но ведь есть рыбаки, для которых процесс ловли куда важнее результата, и они бросают плотву обратно в воду... Но скажите полковнику, пусть прекратит искать Василевского и эту глупую лабораторию. Не стоит рисковать своим счастьем и жизнью прекрасной женщины ради такой чепухи. Я уверен, что вы теперь думаете так же и сумеете убедить своего мужа. Больше я не скажу вам ни слова. Вы свободны.

Всеволод Игнатьевич повернулся и толкнул дверцу. По салону снова прошелся сырой ветер. Один из сторожей закричал и сдвинулся в сторону, освобождая Марии дорогу. Она недоверчиво оглядела чужие грубые лица и медленно поднялась с сиденья. Ни на секунду не выпуская бандитов из поля зрения, Мария обогнула носилки и выпрыгнула из машины. Только сейчас она поняла, в каком напряжении находилась последние два часа. В ее пылающее лицо впились мелкие капли дождя, которые показались ей холодными, как лед и острыми, как стальные иглы. Мария невольно зажмурилась и пошатнулась. Всеволод Игнатьич, который вышел из машины за ней следом, заботливо поддержал ее под руку.

– Осторожнее! Нам всем нужно, чтобы вы благополучно добрались до своего дома. Слушайте, что вам нужно сейчас сделать. Видите, за спиной у вас роцца? Да-да, там темно и страшно, но это только на первый взгляд. На самом деле там нет даже мелких зверушек. Каких-

нибудь пятнадцать минут быстрой ходьбы, и вы выйдете к шоссе. Одинокой женщине нетрудно поймать ночью попутку. А известную и любимую артистку Марию Строеву вряд ли кто-нибудь решится обидеть. Вам не следует делать только одного – оглядываться и следить за нами. Ну, вы умная женщина, и сами все понимаете... Давайте-давайте, скатертью дорога! Полковник, поди, уже заждался!..

Он слегка подтолкнул Марию, направив ее в сторону темнеющего во мгле лесочка. Она пошла, не оглядываясь, спотыкаясь на каблуках. Под ногами у нее была утрамбованная, но уже начинающая раскисать поверхность грунтовой дороги. Вскоре, однако, она сменилась мокрым травяным покровом, и ноги у Марии полностью промокли. Но она упрямо шла вперед, ускоряя шаги, пока не скрылась в кустах, росших за дорогой. Потревоженные ветви обдали ее с ног до головы градом холодных водяных капель. Мария вздрогнула, но тут же забыла об этом, потому что в стороне негромко хлопнула дверца машины, и заурчал мотор. «Скорая» сорвалась с места и поехала куда-то.

Мария не колебалась. Она тут же вернулась назад и внимательно проследила за машиной. Та доехала до поворота дороги, которая скрывалась еще за одной рощей и исчезла за деревьями, мигнув на прощание ослепительной фарой. «И след простыл, – безнадежно подумала Мария. – Боже, как все глупо!»

Настроение ее испортилось еще больше, когда она сообразила, что похитители не вернули ей сумочку. Вместе с ней пропали ключи от квартиры и мобильник. Разумеется, и деньги, но сейчас об этом не хотелось даже думать. С губ Марии сорвалось крепкое мужское ругательство – она позволяла себе такое только в исключительных случаях и без свидетелей. Сейчас был именно тот случай.

Вдруг исчез звук работающего мотора. Мария насторожилась. Звук не медленно растворился в воздухе, как бывает, когда машина удаляется по дороге – он оборвался внезапно. «Значит, они остановились! – решила Мария. – Не зря они требовали от меня не следить за ними. Они затевают что-то еще. Или у них тут убежище. Это было бы здорово. Ну, погодите, мерзавцы!»

Мария ни секунды не сомневалась в том, что должна вывести негодяев на чистую воду. Теперь, когда все разъяснилось, и за жизнь мужа можно было не беспокоиться, Мария забыла про всякий страх. Теперь ей больше всего хотелось, чтобы Гуров нашел и хорошенько проучил наглецов, решившихся на такую дикую выходку. Нет, на поводу у шантажистов ни она, ни Гуров не пойдут!

Со стороны ее дальнейшее поведение выглядело чистейшим безумием, но Мария об этом не думала. Охваченная своей идеей, она стащила с ног туфли на каблуках и, не разбирая дороги, бросилась вперед, в ту сторону, куда уехала «Скорая помощь» с бандитами. Ни дождь, ни грязь, ни холод не могли ее теперь остановить. Все худшее, была уверена, осталось позади. Вместо партии в шахматы ей предложили сыграть в поддавки. Ну что же, теперь ее ход.

Расстояние до рощи, за которой скрылась машина, оказалось гораздо большим, чем показалось Марии в темноте. Она шлепала по размокшей земле минут двадцать, не меньше, и с каждой минутой ее оптимизм улетучивался. Мария поняла, что безнадежно опаздывает.

Однако шум мотора из-за деревьев не возобновлялся, и это оставляло ей некоторую надежду. Правда, силы у нее были уже на исходе – слишком давно не бегала Мария босиком по мокрой траве.

Наконец она все же добралась до рощи. Здесь Мария остановилась на секунду передохнуть, а потом снова двинулась вперед, осторожно раздвигая мокрые ветки, чтобы они не хлестали ее по лицу.

Вдруг впереди вспыхнул и пробился сквозь листву свет. Мария вздрогнула и остановилась, прижавшись к шершавому сырому стволу. Она увидела, что дальше на темной дороге стоят машины с работающими моторами. Их было три – уже знакомая Марии «Скорая

помощь», легковушка, марку которой она не смогла определить, и машина-бетономешалка, огромная емкость которой, залепанная пятнами раствора, равномерно и с легким скрипом вращалась. Увидеть здесь машину, место которой на стройке, было так странно, что Мария невольно протерла глаза. Нет, бетономешалка никуда не исчезла. Она только будто нехотя тронулась с места и, покачиваясь, поехала вслед за легковушкой.

На месте оставалась пока одна лишь «Скорая». Около нее суетились две фигуры. В одной Мария узнала своего заботливого спутника Всеволода Игнатьевича. Второй не походил ни на кого из тех, кто был вместе с ней в машине. Впрочем, водителя она не видела – наверное, это был он.

Бетономешалка и легковая машина уже скрылись во тьме. Лишь тормозные красные огоньки неярко просвечивали сквозь накрапывающий дождь. Вдруг произошло нечто такое, из-за чего Мария едва не лишилась чувств.

В какой-то момент Всеволод Игнатьевич повернулся спиной к своему напарнику, а тот вдруг быстрым движением извлек откуда-то пистолет с длинным стволом и без колебаний выстрелил Всеволоду Игнатьевичу в затылок. Тот рыбкой нырнул вперед и бездыханный упал лицом в землю. Убийца спрятал оружие, наклонился и, подхватив тело под мышки, легко втащил его в салон «Скорой». Силенки у него явно хватало.

Все произошло мгновенно. Выстрела Мария не слышала, но недаром она была женой опера – о глушителях она была наслышана, да и кино в этом плане предоставляет теперь неплохое образование. Марию поразило другое – хладнокровие и деловитость, с которой было выполнено грязное страшное дело. Так, вероятно, работают заправские мясники на бойне.

Убийца между тем захлопнул дверцу машины и оглянулся по сторонам. У Марии зашумело в голове, и она крепче вцепилась в ствол дерева. В темноте среди деревьев ее было невозможно заметить, но ей показалось, что этот страшный человек смотрит прямо на нее. Она даже различила плотоядную ухмылку на его лице, что было совсем уже невероятно, потому что самого лица она не видела.

В чувство ее привел шум удаляющегося мотора. Мария не сразу поверила, что наконец осталась совсем одна. «Скорая» укатила в ту же самую сторону, куда до этого уехали остальные машины. Мария поняла, что с нее хватит, и уже никакая сила не заставит ее сделать хотя бы шаг вперед. Лучше она замерзнет в темном, сыром лесу. А еще лучше воспользуется советом Всеволода Игнатьевича (уже покойного) и отправится к шоссе, чтобы поймать попутку. Связать воедино все, что она в этот вечер увидела и услышала, Мария самостоятельно не могла. Она считала себя сильной женщиной, но это было слишком большое потрясение даже для нее.

Она не помнила, как вышла на шоссе. К ее счастью, первый же дальнбойщик без разговоров подобрал ее. Это был веселый русоволосый парень, абсолютно не интересующийся ни кино, ни театром. Марию Строеву он не узнал. Правда, сейчас ее вряд ли с первого взгляда узнали бы даже близкие люди – такая она была растерзанная и несчастная. Веселый шофер понял это по-своему. Он решил, что Мария бежит от злого мужа, и с ходу предложил ей руку и сердце. Мария от предложения вежливо отказалась и попросила взамен мобильник. Набирая номер мужа, она дрожала как в лихорадке. И лишь услышав его взволнованный голос, окончательно сорвалась и во весь голос разрыдалась.

Глава 3

Полковник Гуров чувствовал себя с утра так, будто всю ночь напролет хлестал вонючий самогон в самой гнусной компании, которую только можно вообразить. Нелепое приключение в ночном клубе, затем ужасные минуты, когда он был почти уверен, что потерял жену, потом некстати молчащие телефоны полковника Крячко и генерала Орлова, самых главных и единственных друзей, потом сомнения, как поступить, ожидание худшего и наконец звонок, голос жены и ее слезы – горькие слезы, которые, как это ни парадоксально, звучали для него в тот момент точно самая сладкая музыка.

Все происшедшее казалось сумбурным, совершенно абсурдным и бесконечным. Когда Мария с Гуровым сумели хоть отчасти прийти в себя и объяснить друг другу, что с ними случилось, в окна уже вползал рассвет.

Гуров был потрясен рассказом жены. Но еще больше он был потрясен собственной недалекновидностью.

– Так попасться! – прокомментировал он собственную ошибку. – Они развели меня, как последнего лоха. Все же было просто и ясно, как задница новорожденного. С самого начала можно было догадаться, что меня просто хотят выманить из дому. Никогда не прощу себе, что оставил тебя одну на произвол этих мерзавцев. Боюсь даже подумать, чем все могло закончиться. С твоим-то характером!.. Но ничего! Они еще пожалеют, что связались с Гуровым! Они еще будут локти кусать, что посмели дотронуться до тебя!

Как ни странно, чем больше бушевал и волновался Гуров, тем спокойнее становилась Мария. И к утру, еще бледная и усталая, она сумела взять себя в руки и уселась перед зеркалом, чтобы привести себя в порядок.

– Похищение похищением, – философски заметила она, – но в театре я сегодня просто обязана появиться. Не каждый день приходит новый главный режиссер. Наверное, сейчас генералы меняются чаще. Кстати, человек непростой, и с моей стороны будет вызывающе, если я не представлюсь ему в первый день.

– У тебя уважительные причины, – проворчал Гуров, все еще стискивая кулаки от бесильной ярости. – Более чем. И мы должны теперь заняться поиском следов.

– Охлонись, Гуров! – явно подражая интонациям мужа, возразила Мария, точными движениями накладывая тушь на ресницы. – Не я ли передала тебе пожелание покойного Всеволода Игнатьича, чтобы ты забросил все свои поиски и вместо этого берег жену? Положим, надолго я не рассчитываю, но один денек ты мог бы придержаться этого щадящего расписания. Пока еще свежи воспоминания.

Она видела в зеркале мрачное лицо мужа, и оно чрезвычайно радовало ее сейчас. Мария была готова любоваться этим лицом в любой степени мрачности – все равно это было несравнимо с тем, что она передумала и перечувствовала минувшей ночью. На нее накатывала странная веселость, в которой несомненно присутствовало что-то болезненное, но все же это состояние не шло ни в какое сравнение с ее недавним страхом. Дальше все должно пойти хорошо – Мария была в этом уверена. Просто нужно взять небольшую передышку.

– Может быть, сегодня вечером воспользуемся твоим вчерашним приглашением? – спросила она, оборачиваясь. – Закатимся в какой-нибудь шумный ресторан? Нам обоим стоит побыть немного на людях, среди огней и музыки...

Гуров хмуро посмотрел на жену. Смысл ее слов не сразу дошел до него.

– Спихватилась, милая! – сказал он с негодованием. – Счастливый момент упущен. Кто не успел, тот опоздал. Представляешь, что за денек сегодня будет? Нужно найти водителя, который тебя довез до Москвы, выяснить у него, где он тебя подобрал, потом осмотреть место,

потом... Да много чего потом. С тебя вот тоже придется снять показания – официальные, чтобы все чин-чинарем...

Увидев разочарование в глазах жены, Гуров спохватился и замахал руками.

– Хорошо-хорошо! Все понял. Сегодня обойдемся без твоих показаний. Работы и так хватит. Хорошо, что ты запомнила номер грузовика, на котором доехала. Надеюсь, шофер найдет это место.

Мария действительно зафиксировала в памяти номер машины, которая подбросила ее до Москвы, но от какого места, как долго они ехали, и прочее – все вылетело из ее головы. Тот злосчастный перекресток, где она выбралась босиком на шоссе, Мария не смогла бы указать на карте даже приблизительно. Здесь в памяти у нее был полный провал. Кстати, и туфли свои она благополучно потеряла где-то в лесочке среди мокрых кустов. К счастью, она не простудилась, хотя такая возможность была очень вероятна.

Одним словом, Мария оправилась после стресса куда быстрее Гурова. Дело было тут не в природной приспособляемости женщин, а в том, что Гуров ясно видел – неприятности продолжают, тогда как Мария считала, что самое страшное осталось позади. Но, судя по ее рассказу, они столкнулись с редкостными мерзавцами, от которых следовало ожидать чего угодно. Эти люди были способны на самое гнусное преступление и к тому же обладали некоторым интеллектом, что в преступниках особенно неприятно. Во всяком случае, Гурова разыграть им удалось с ходу. Выдумка была неказистой, но действенной. Это оскорбляло его и заставляло находиться в постоянном напряжении. Гуров каждую минуту ожидал нового подвоха. Но он даже предполагать не мог, какая неприятность поджидает его в самом ближайшем будущем.

Договорившись с Марией, что она будет звонить ему при малейшем подозрении на опасность, что постоянно станет находиться среди людей, и вообще, что она будет настороже каждую секунду, Гуров скрепя сердце поехал в управление. По дороге он еще позвонил жене, за что получил мягкий выговор – Мария попросила не считать ее совершенной дурой, которая не понимает простых вещей.

– День у нас в запасе, Гуров! – заявила она. – Сегодня со мной ничегошеньки не случится. Ты лучше сам почаще оглядывайся по сторонам.

Она как в воду смотрела.

После разговора с Марией Гуров погрузился в размышления на тему – кто бы это мог быть. На первый взгляд ответ напрашивался сам собой. Упоминание фамилии Василевского, просьба не продолжать расследование – все это касалось дела Туманова. Вот только причастен ли к бесчинствам неизвестных сам Туманов? Он ли организовал не слишком изящную, но эффектную комбинацию? Гуров понимал, что отдавать команды можно и из-за тюремной ограды. Это было возможно и прежде, а уж в наше время стало обыденным явлением. И все-таки Гурова брали сомнения. Уж слишком быстро и слаженно все произошло. То есть без Туманова, без его пожелания или просьбы не обошлось, конечно, но грязную работу координировал кто-то на воле. Вряд ли человек из команды Туманова. Это было слишком рискованно. Шеф уже висел на крючке, по серьезной статье. С прочими работала милиция. Многие из людей Туманова предпочли вообще залечь на дно. Другие вели себя тише воды и ниже травы. Одно дело под прикрытием прикормленных должностных лиц без особых хлопот оттяпать у кого-нибудь лакомый кусочек, и совсем другое – отвечать на неприятные вопросы, являясь ежедневно в кабинет следователя, как на работу. У команды Туманова не было сейчас свободы маневра. Но тогда кого он нанял, и почему по крайней мере один из нанятых был безжалостно убит? Всеволод Игнатьевич, Всеволод Игнатьевич... Чье это имя? Гурову ничего не приходило в голову. А может быть, Марии просто показалось? Ночь, дождь, ужас – в таком состоянии может что угодно примерещиться. Нет, определенно первым делом нужно осмотреть место, где все это происходило. Впрочем, еще раньше требуется съездить к Курскому вокзалу и задать

несколько вопросов владельцу ночного клуба «Алина». Сам клуб был приманкой, пустышкой, но кое-кто там чувствовал себя как рыба в воде...

Гуров остановил «Пежо» неподалеку от управления. Здесь он чувствовал себя почти как дома, а потому был несказанно изумлен, когда после выхода из машины его быстро и четко окружили трое в штатском – высокие, крепкие фигуры, бесстрастные и в то же время преисполненные значительности лица, ловкие, выверенные движения. Гуров моментально вычислил в них коллег по профессии, хотя ни одного из троицы он раньше никогда не видел.

Нет, сказано не совсем точно – тот, что выглядел постарше прочих, как будто был Гурову знаком. Впрочем, это угрюмое, большеносое лицо, на котором написано выражение какого-то натянутого превосходства, могло попасться на глаза Гурову где угодно – в спортзале МВД, в коридоре прокуратуры, в суде. И хотя Гуров знал многих людей, не только тех, кто носил милицмейские погоны, но и прочих служителей Фемиды, всех он, конечно, знать не мог.

– Полковник Гуров, если я не ошибаюсь? – с некоторым оттенком злорадства осведомился большеносый.

Он явно заранее знал ответ и просто наслаждался возможностью покуражиться. Гурову опять показалось, что пути их когда-то пересекались, и злорадство этого человека имеет под собой веские основания.

– Ну, Гуров, – ответил он, настороженно оглядываясь. – С кем имею честь?

Его, не сказать, чтобы грубо, но довольно назойливо, прижимали к багажнику собственного автомобиля. Выглядело это оскорбительно и достаточно глупо. Разумеется, махать кулаками в двух шагах от управления было бы еще глупее, и Гуров ограничился тем, что предупредил:

– Не надо пугать ежа голой жопой, ребята! Для вас это, наверное, в диковинку, а сюрпризы в этом случае возможны всякие.

– Да уж, вы мастер сюрпризов, полковник! – криво усмехнулся большеносый. – Но и у нас для вас сюрприз имеется. Вы арестованы. Мы из службы внутренней безопасности. Я – подполковник Данилов. Вот постановление о вашем аресте. Все подписи на месте. Поэтому прошу не делать глупостей. Вы должны пройти с нами.

От неожиданности Гуров просто сел на багажник и посмотрел на Данилова снизу вверх.

– Вот так попали! – изумленно сказал он. – На ровном месте, да мордой об асфальт! Как так арестован? И какие обвинения?

– Вы обвиняетесь в преднамеренном убийстве, – сообщил подполковник. – Остальное мы объясним вам на месте. Прошу следовать за нами. Или лучше увести вас в наручники?

Гуров понял, что последний вопрос звучит, скорее, как высказанная вслух мечта детства, и решил подчиниться. Он только попросил разрешения позвонить генералу Орлову.

– Генерал в курсе, – сухо сказал Данилов. – Давайте не будем терять времени. В ваших же интересах, чтобы все завершилось как можно скорее.

– Да уж, – покачал головой Гуров. – Но вы уверены, Данилов, что это не ошибка? Сам я не припоминаю, чтобы в последнее время мне пришлось убивать кого-то. Хотя, честно говоря, кое-кого хотелось бы...

– Вам все скажут, – ответил Данилов со скрытым превосходством. – Так вы подчиняетесь, полковник, или прикажете вас доставить силой?

– Экий ты прыткий, Данилов, – перешел на «ты» Гуров, которого начинало раздражать поведение этого напыщенного чинуши. – Ты, похоже, уже вообразил, что тебе дырочку на кителе вертеть пора? Оборотня в погонах поймал? И откуда ты только взялся такой умный? На коллегах практикуешься? А простых преступников ловить не пробовал?

В насуспенном лице Данилова что-то неуловимо изменилось. Это было похоже на тень досады, растерянности и раздражения. Он слегка отступил в сторону и сдержанным жестом указал Гурову, в каком направлении двигаться.

– Вы должны понимать, что мы действуем по приказу, полковник! – жестко сказал он. – Ничего личного. У вас приказ и у нас приказ. А сейчас вы обязаны выполнить приказ, который я вам отдаю. И это последнее предупреждение.

– Да и в самом деле – что резину-то тянуть? – согласно кивнул Гуров. – Как говорят в народе, раньше сядешь – быстрее выйдешь. Пошли, герои невидимого фронта!

Он с некоторым сомнением посмотрел на здание управления, до которого так и не добрался сегодня, и последовал за своими молчаливыми спутниками. Его усадили в машину на заднее сиденье, и оба сопровождающих, Данилов и еще один, уселись по бокам, как бы опасаясь, что Гуров по дороге может сбежать. Третий уселся за руль, и они поехали.

Ехали, впрочем, недолго. Квартала через три машина вкатилась в неприметные ворота, которые охранял милиционер в форме, и остановилась в тесном дворике, где, кроме асфальта и каменных стен, ничего не было. Гурова завели в серый дом, на дверях которого не было никакой вывески, и по скучному казенному коридору доставили в такой же кабинет с решетками на плохо вымытых окнах.

– Нас не тревожить! – строго предупредил Данилов своих молчаливых подручных, усаживаясь за старомодный рыжего цвета стол с массивной тумбой и поцарапанной столешницей. – Меня ни для кого нет! Запомнили? Все! Идите!

Они остались в кабинете один на один.

Данилов указал Гурову на привинченный к полу стул и, больше не глядя на него, принялся ворошить бумаги, которые достал из ящика стола.

– Итак, начнем, – сказал он через минуту, выдержав драматическую паузу. – Ваше имя...

После выполнения необходимых формальностей наконец перешли к главному. Надо сказать, что Гуров, несмотря на всю свою досаду, ждал с нетерпением, что за обвинение ему предъявят. Он уже смутно догадывался, что оно будет непременно связано с событиями прошедшей ночи, но как именно – пока не понимал.

– Хорошо, Данилов! Теперь ты выяснил, кто я такой, – попросил Гуров, когда паспортная часть закончилась. – Скажи уже, кого я замочил. Изнываю от нетерпения.

Хозяин кабинета поднял глаза и несколько секунд сверлил Гурова тусклым недобрым взглядом. Видимо, от такого взгляда задержанному должно было становиться не по себе. Гуров и в самом деле чувствовал себя неуютно, но верил, что вся эта чепуха должна вот-вот благополучно разрешиться, а потому не слишком переживал из-за уловок дознавателя. Кстати, Гурову опять начало казаться, что где-то он видел Данилова раньше. И тот смотрел на Гурова так, будто знал его с незапамятных времен. Словно еще сто лет назад Гуров нарочно отдал ему ногу в автобусе и не извинился при этом. Стоило бы порыться в памяти, поискать там светлый лик стража закона по фамилии Данилов, вот только момент для этого был совершенно неподходящий. Данилов не давал Гурову ни минуты передышки.

– Где вы были, Лев Иванович, вчера в промежутке между девятью часами вечера и полуночью? – бесстрастно спросил Данилов, буквально впиваясь в Гурова глазами.

«Так и есть, – мысленно выругался Гуров. – Эта история нарастает, как сосулька на апрельском солнце. Только на душе что-то темновато...»

– Это очень непростой вопрос, подполковник, – сказал он. – Не знаю даже, как тебе на него ответить.

– А вы отвечайте правду, – хладнокровно заметил Данилов. – И постарайтесь все-таки соблюдать субординацию. Вы здесь не с проверкой, а на допросе. Прошу не тыкать!

– Ах, вот оно что! Годится! В таком случае, вот – не знаю, что вам и ответить, гражданин начальник! Устраивает? Небольшие у вас запросы, Данилов. А меня вот не устраивает. Я хочу наконец знать, в честь чего затеян весь этот спектакль. Я человек терпеливый, но рано или поздно выхожу из себя, неплохо бы вам это учесть на будущее.

– Да вы не кипятитесь, Лев Иванович! – снова впадая в снисходительный тон, сказал Данилов. – Никого здесь вы не испугаете. Знаете, какие люди сидели у меня на этом стуле? О-о-о! Сказать страшно. Тоже грозили, ногами даже топали... Но все равно потом делались тише воды, ниже травы. Под тяжестью неопровержимых улик.

– Ну вот что, гражданин начальник, – решительно сказал Гуров, выпрямляя спину. – Это не я тебя пугаю, это ты пытаешься на меня страху нагнать. Только со мной эта ерунда не пройдет. Зря мучаешься. Говори прямо, что у тебя на меня имеется? Не размазывай кашу по тарелке. Иначе я вообще откажусь отвечать на любые вопросы! Посмотрим, как ты тогда запоешь! Не тыкайте ему, видишь ли! А не веди себя, как мальчишка!..

– Ну, хорошо, – делая кислую мину, сказал Данилов и подтолкнул в сторону Гурова какую-то бумагу. – Можете ознакомиться. Это копия протокола экспертизы. А это... В общем, вы обвиняетесь в умышленном убийстве гражданина Безуглова Андрея Андреевича, одна тысяча девятьсот семидесятого года рождения...

– Кого? – Гуров не скрывал своего удивления. – Впервые слышу такую фамилию.

– Возможно, этот гражданин был известен вам под другой фамилией, – предположил Данилов, выкладывая Гурову под нос фотографию, на которой был изображен сравнительно молодой человек с квадратной челюстью, бычьей шеей и маленькими безмятежными глазками. – Узнаете?

Гуров, безусловно, узнал изображенного на портрете парня. Это был вышибала из ночного клуба «Алина», заманивший его в ловушку и заперший его в другом кабинете.

– Ну, узнаю, – сказал Гуров, внимательно глядя на Данилова. – И что же? Вы хотите сказать, что он убит?

– Факт насильственной смерти подтвержден судебными медиками, – с деланным простодушием ответил подполковник. – А вы будто не знаете!

– Откуда же мне знать, когда я видел его вчера живым и здоровым, – сердито сказал Гуров. – На умирающего он меньше всего был похож. Очень странно!.. А с чего вы решили, что это я его убил?

– Ну как же? – пожал плечами Данилов. – Вы вторую-то бумагу прочтите, Лев Иванович! Там все сказано. Потерпевший скончался от остановки сердца после проникающего ножевого ранения. А отпечатки пальчиков на рукоятке ножа ваши, Лев Иванович! Ошибки быть не может! Исключена! Вам как профессионалу объяснять не нужно, насколько все это серьезно. Понимаю, аффект – человек вы, судя по всему, горячий...

– Нормальный я человек! – перебил его Гуров. Он не мог поверить своим ушам. – Какие, к черту, отпечатки? Что за бред?

– Не бред, а официальное заключение, – назидательно промолвил Данилов. – Зачем же отрицать очевидное? Со своей стороны порекомендовал бы вам следующую линию поведения – вы во всем сознаетесь и упираете на состояние аффекта. Ясно же, что вас спровоцировали. В этом случае наказание вам назначат по самому минимуму. Может быть, даже дадут условный срок, учитывая ваши заслуги... Между нами, погибший фрукт был тоже с гнильцой...

Это подлое «тоже» особенно взбесило Гурова. Но он сдержался, помня про другие слова Данилова, – подтверждать его версию о состоянии аффекта он не собирался ни признаниями, ни своим поведением. Он расслабился и посмотрел на Данилова даже с некоторой иронией.

– Ладно, не буду размахивать шашкой, – сказал он усмехаясь. – Еще поборемся, гражданин начальник. Ты, гляжу, уже все по полочкам разложил. А мою версию случившегося послушать не хочешь?

– Только об этом и мечтаю, Лев Иванович! – любезно ответил Данилов. – Не возражаете, если я магнитофончик включу?

Под шорох магнитофона Гуров вкратце поведал Данилову обо всех перипетиях вчерашнего вечера. Данилов слушал сосредоточенно, изредка едва заметно кивая. Казалось, в показаниях Гурова его ничто не смущает.

– Таким образом, получается, что меня не только заманили в ловушку, – закончил Гуров, – но еще и подставили самым изощренным способом. Я испугался за жену и захотел поскорее выбраться из клуба. Дверь была заперта, и я воспользовался ножом, чтобы вскрыть замок в двери. Видимо, на это и был расчет. Этим ножом убили затем вышибалу клуба и вызвали милицию. Круг замкнулся.

Данилов по инерции продолжал кивать головой, но потом вдруг остановился и в упор посмотрел на Гурова. В его тускловатых глазах засветилась насмешка.

– Занятную сказочку рассказали, Лев Иванович! Значит, не хотите следовать добрым советам? Упорствуете? Ну, ваше дело! Как бы не пришлось потом локти кусать.

– С чего бы это? – сердито спросил Гуров. – Я знаю, что не убивал. С какой стати буду на себя наговаривать? Чтобы тебе, Данилов, приятное сделать? Ты сам-то веришь в то, что мне шьешь?

– Рад бы не поверить, – живо сказал Данилов, – да факты! Факты – упрямая вещь, Лев Иванович! Улики! Представляете, в суде? Орудие убийства...

– Ну и что орудие? Я же объясняю, как это могло быть...

– Объяснения ваши я слышал, – хмыкнул Данилов. – А кстати, почему вы все время говорите о каком-то ночном клубе, Лев Иванович? Где вы встречались с погибшим? Что за кабинет упоминали? Это кабинет ресторана «Малина»?

Гуров терпеливо повторил историю о том, как накануне попал в ночной клуб. Данилов выслушал с явным недоверием и покрутил головой.

– Что-то я ничего не понимаю, – сказал он. – В том месте нет никакого ночного клуба и никогда не было. И это название «Алина»... Вы извините, Лев Иванович, а вы вчера в адекватном состоянии были? Может быть, с устатку, того... гм...

Гуров посмотрел на Данилова почти с ненавистью.

– Ну, подполковник, и утомил ты меня! – сказал он укоризненно. – Ты мне еще и состояние опьянения нарисовал, оказывается! Спасибо, но выпить я вчера так и не успел. А вывеску клуба я видел так же ясно, как вот тебя вижу... Постой, это, что же, серьезно? Ночного клуба «Алина» не существует? А где же тогда я был? «Малина», говоришь, ресторан? Слушай, мне нужно немедленно туда поехать. Я должен сам увидеть все своими глазами.

– Увидите, когда придет срок, – неумолимо сказал Данилов. – А пока давайте еще раз с самого начала... Кстати, Лев Иванович, вы уверены, что никогда не встречали гражданина Безуглова раньше? Может быть, по службе вам приходилось вступать с ним в контакт? Не буду перед вами финтить – вы понимаете, куда я клоню, да? Неприязненные отношения между оперативным работником и подозреваемым совсем не редкость. У нас ведь не детский сад...

Вопрос о знакомстве с Безугловым окончательно испортил Гурову настроение.

– Это верно, не детский, – сказал он. – Поэтому, давай прервем на время эти твои игры. Играешь ты по своим правилам, и я за тобой не успеваю. Поэтому давай мне мой законный телефонный звонок. Прямо сейчас. Иначе ни на какие вопросы я больше не отвечаю! Все понял, подполковник?

Данилов досадливо пожевал толстыми губами, посмотрел на Гурова с еще большей досадой и неохотно буркнул:

– Звоните! Один звонок, в моем присутствии. Догадываюсь, куда будете звонить, Лев Иванович... Только вряд ли это вам поможет. Все уже решено, и мы не отступим. Неприкасаемых теперь нет.

С этими словами он предоставил в распоряжение Гурова телефон. Лев набрал персональный номер генерала Орлова и, услышав сердитый голос начальника, торопливо сказал:

– Здравия желаю! Гуров. Петр Николаевич, я в полной заднице. Ты знаешь, в чем меня обвиняют?

– Знаю! – мрачно ответил генерал. – Доложили уже. Поставили в известность. Как же тебя угораздило, эх!.. Ну, ладно, разберемся. Ты где сейчас? Ах, у Данилова? Ясно. Говорят, очень своеобразная личность.

– Меня его личность сейчас меньше всего интересует, – перебил Гуров. – Мне нужно, чтобы ты меня отсюда вытащил. Ты сам-то в этот абсурд веришь?! Предумышленное убийство! Да меня элементарно подставили. Тут такая намечается комбинация – успевай раскидывать мозгами, а я выведен из игры. Немедленно прими все меры.

– Я приму, – сурово сказал Орлов. – Но не сразу. Думаешь, я здесь сижу сложа руки? У меня с этой внутренней безопасностью отношения сложные, понимаешь... А тебе обвинения предъявили конкретные, с уликами. Так что не все так просто. Ты на свободу выйдешь, но не сразу. Потерпи день-другой, ладно? А я пока тут буду нажимать на все рычаги. Все образуется, просто нужно время. Уж больно неудачно у тебя все сложилось...

– Ты заметил, да? – саркастически спросил Гуров и почти начальственным тоном распорядился. – В общем, раз не можешь помочь мне, то помоги Стасу Крячко. Слушай меня внимательно. Пошли Крячко к моей жене – она ему все расскажет. А он уж сообразит, что нужно делать. И вот когда он сообразит, ты ему поможешь, договорились?

– Обижаешь! – проворчал генерал. – Я же сказал – вытащу тебя! Капельку терпения!.. А что такое должна Мария рассказать Стасу? Она что-то знает?

– Больше ничего объяснять не буду, – отрезал Гуров, покосившись на деланно равнодушное лицо Данилова. – А то боюсь, кое-кто тут использует мои слова против меня. Как говорится, скажи мне, кто твои друзья...

Глава 4

Полковник Крячко в паре с Гуровым работал уже много лет, был его лучшим другом и без труда угадывал ход мыслей своего старшего товарища. Единственный момент, когда телепатические способности подвели его, случился, когда Гуров женился на Марии Строевой. Этого Крячко предвидеть не мог, и был поражен не меньше всех остальных. Однако с прославленной актрисой он сдружился очень быстро, и, хотя обычно друзья мужа делаются для его жены врагами, со Стасом Крячко этого не случилось. Справедливости ради надо сказать, что полковник Крячко мог сойтись с кем угодно – он называл это врожденными способностями организма. Он свободно находил общий язык с коллегами, с бандюгами, с журналистами, артистами, бомжами, бабушками на скамейках и даже с животными.

Внешностью Крячко обладал самой заурядной, даже, можно сказать, простецкой. Открытое круглое лицо, простой взгляд, добродушная улыбка в сочетании с крепкой и ладно сбитой фигурой производили благоприятное впечатление на кого угодно. Предпочтения полковника Крячко в одежде делали его имидж еще более гармоничным – в любое время года он норовил облачиться в застиранные джинсы и выцветшую ковбойку, купленную еще в благословенные времена застоя. Стильные пиджаки и стрелки на брюках никакого отношения к полковнику Крячко не имели. Таким образом, ожидать каких бы то ни было осложнений от этого своего в доску парня было просто нелепо. Многие и в самом деле считали полковника Крячко простаком, но из-за подобного заблуждения впросак и попадали. Как раз простаком Стас Крячко никогда не был, и голова у него варилась так, что дай бог всякому.

Но сейчас его голова буквально кипела от напряжения. Он не знал, с чего начать. После того, как генерал Орлов скупно сообщил ему о случившейся с Гуровым неприятностью и отправил его на поиски Марии, прошло около часа. За это время Крячко успел найти Марию в ее театре, успел сообщить ей печальную новость, успел кое-как успокоить да еще выслушать сбивчивый рассказ о невероятных событиях, случившихся накануне. Больше он ничего не успел. Разве что сопроводить все расплывчатым комментарием:

– Вот такие пироги с начинкой... Это я всегда говорю, что и на старуху бывает проруха. Ты, Мария, главное, теперь не беспокойся, потому что все плохое уже случилось, и дальше начинается уже одно хорошее. Гуров сидит, он в безопасности, а ты тоже им сейчас не нужна. У них все козыри сыграли. Так что, думаю, они тебя пока трогать не должны... А насчет того, что вчера Лева не смог до меня дозвониться, то это чистая правда. Я ванну принимал и, если честно, то задремал. И так хорошо задремал – часа на три, пока вода начисто не остыла... А когда вылез, мне и дела не было в телефон заглянуть. Я дальше дрыхнуть наладился.

– Ты все время говоришь – они, – печально заметила Мария. – Кто эти они?

– Сам бы хотел знать, – с досадой ответил Крячко. – Не знаю. Искать надо. И прежде всего твоего шофера-благодетеля. Но ты не волнуйся – найдем. Номер известен – найдем. Даже если он Москву покинул. Я сейчас ребятам задание дам, а тебе потом перезвоню – желательно на место вместе съездить. Хотя тебе это как кость в горле – я понимаю...

– Я сейчас – хоть к черту на рога, – серьезно ответила Мария. – Мне нужно, чтобы Гуров живой и здоровый был и за решеткой не сидел.

– За решеткой свои преимущества, – уверенно сказал Крячко. – Я уже объяснил.

На самом деле он вовсе не был уверен в преимуществах заключения. Кто-то захотел вывести Гурова из игры и вывел. Как дальше повернется дело – предсказать было невозможно. Неизвестно, что за лица в этом замешаны.

«Но каковы сукины дети! – размышлял Крячко. – Туманов попался на убийстве – преднамеренном, но все-таки случайном. К тому же благодаря Василевскому. Теперь он исчез, а Гурову устроили, так сказать, адекватный ответ. Причем развели очень тонко, если подумать.

Со знанием психологии. И заодно дали понять, что у Гурова не одно слабое место. Надежды, что они оставят Марию в покое, никакой. Пока они не подчистят свои грехи – никакой. Ее бы спрятать куда-нибудь! И Гурову бы хорошо носа не показывать. Снизить активность. Изобразить бег на месте. Но интересна позиция этого Данилова. Он, похоже, ни грамма не сомневается в том, что Гуров виновен. Или дал себе задание не сомневаться?»

Рассуждать можно было бесконечно, но толку от этого было мало. Крячко вернулся в управление и занялся делами. Он попросил найти ему по номеру машины шофера-дальнобойщика, который ночью подвозил в Москву женщину. Затем он сделал запрос через Интернет относительно ночных клубов столицы. Никакой «Алины» среди них не значилось. Зато в районе Курского вокзала обнаружился не самый престижный ресторан «Малина». Такое созвучие названий, реального и вымышленного, навело полковника Крячко на некоторые любопытные мысли.

Он хмыкнул и отправился взглянуть на ресторан «Малина». В его распоряжении имелся только путанный пересказ слов Гурова. Наверное, следовало бы ознакомиться с материалами дела, по которому был арестован Гуров, но в силу некоторых причин Крячко решил этого пока не делать. Ему хотелось, чтобы все выглядело максимально «невинно», как он мысленно выразился.

Когда он прибыл на место, то сразу же отметил нестыковки с рассказом Марии. Она говорила, что Гуров с трудом припарковал ночью машину в тесном переулке, а на деле оказалось, что рядом со входом в ресторан не было тесных переулков. К тому же ресторан был закрыт.

Крячко потыкался в запертые двери. Делать это пришлось настойчиво и долго. Наконец из глубин заведения всплыл сердитый человек в черном похоронном костюме. Он неторопливо открыл стеклянную дверь, демонстративно стряхнул пылинку с рукава, словно не замечая перед собой Крячко, а потом тихо, но с угрозой спросил:

– Не видишь – закрыто? Что долбишься, как дятел?

– Так выпить хочется – смерть! – с жаром сказал Крячко, делая честные глаза. – Вчера с корешами перебрали, а сегодня трубы просто горят! Сплошной чад в душе. Войди в положение, а?

– Ну ты даешь! – фыркнул человек в черном. – В Москве выпить, что ли, негде? Тебе к нам обязательно надо?

– Да уже не могу больше! Ну, ей-богу, может, я где-нибудь в уголочке, а? У меня бабки есть. Я втридорога заплачу!

Для убедительности Крячко вытащил из кармана пачку купюр – накануне получил зарплату. Видимо, вышедший к нему человек занимал невысокую ступень в ресторанной иерархии. Вид денег его заинтересовал. Он быстро оглянулся назад и коротко кивнул гостю.

– Ладно, давай мухой! Я тебя в подсобку отведу. Заодно и сам глотну. Ночка была – не приведи господь!

– Я угощаю! – радостно прогудел Крячко, протискиваясь в дверь. – Куда идти?

Новый знакомый отвел его в какой-то боковой коридор и ключом открыл деревянную дверь безо всякой таблички. Внутри обнаружились ящики из гофрированного картона. Ими было забито почти все помещение.

– Холодильное оборудование, – пояснил хозяин. – Недавно приобрели, еще не успели поставить. Располагайся! Вон, на подоконнике как раз свободно!

Край подоконника, не закрытый ящиками, действительно был свободен, но на нем лежал толстый слой пыли, а за окном вместо пейзажа виднелись одни поперечины частой железной решетки.

– Бабки давай! – покровительственно сказал Стасу человек в черном. – И сиди тихо. Тут у нас сейчас такая чума происходит – не дай бог! Тебе же хуже будет!

Заинтриговав таким образом посетителя, он исчез с деньгами. Появился снова он минут через пятнадцать с двумя бутылками какого-то сомнительного коньяка и двумя стаканами с широким дном. Денег при нем уже не было. В ответ на изумление гостя сказал сурово:

– Ты сам напросился. Есть претензии? Могу отвести к администратору. У него как раз настроение подходящее. Не желаешь? Тогда проехали! Давай, друг, со знакомством! Тебя как зовут-то?

Выпили, занюхали рукавом и познакомились. Оказалось, что человека в черном зовут Степаном Гавриловичем, и он является в ресторане менеджером по энергообеспечению. Мысленно переведя это на русский, Крячко решил, что его собутыльник всего-навсего электрик, но правила игры принял и заговорил с «менеджером» особенно уважительно. Лесть и коньяк сделали свое дело, и через двадцать минут Крячко в общих чертах знал уже все о ночном происшествии в ресторане «Малина». Однако его больше интересовала тайная подоплека случившегося, и он начал осторожные расспросы в этом направлении.

Степан Гаврилович опьянел быстро – видимо, давно был склонен к зеленому змию. К тому же желание поделиться новостью с неосведомленным человеком распирала его.

– Тут такое дело, Боря! – объяснял он (Крячко назвался из соображений конспирации Борисом). – Ресторан у нас приличный, пользуется репутацией... Некоторые, конечно, нос воротят, но это... Пускай! Кто понимает, тот придет все равно. У нас вон хозяин затеял зал с фонтаном строить. Представляешь, оркестр, шампанское, а тут еще и фонтан с подсветкой!.. Кто понимает – тому башню снесет на раз!.. Это же высший класс!

– С шампанским фонтан, что ли? – прикинулся непонимающим Крячко.

– Ну, это ты уж хватил! – рассердился «менеджер». – У нас здесь не Ницца! У нас с водой напряг, а ты – шампанское! Короче, дело не в этом. А дело в том, что прихожу я сегодня утром на работу, а тут менты. То есть они уже свои дела закончили.

– Какие дела?

– Известно, какие дела. Мочканули у нас тут одного. Прямо в синем кабинете и мочканули. Это я уж по рассказам. Меня и не допрашивали даже. Так только, спросили, где я был с двадцати одного до полуночи... А у меня алиби – бетонное!

– И кого же мочканули?

– Да чужого кого-то, – равнодушно ответил Степан Гаврилович. – Разборки, наверное. Там, видишь, заказали на ночь кабинет, да в нем и свели счета. Даже на стол ничего подать не успели.

– Это как же?

– Да говорят, что заказывали подавать в десять вечера, а зарезали этого мордатого в девять с небольшим. Пришли – а он лежит. В крови все... Кинулись – кто, чего, а их уже и след простыл...

– Чей след?

– Ну, этих, убийц, значит. А где их поймашь, если, во-первых, они пробки вывернули...

– Пробки?

– Ну да, примерно в то время, когда убивали, во всем ресторане свет погас. И в главном зале, и в служебных помещениях, и на кухне, и в том зале, где ремонт идет – ну, про фонтан-то я тебе говорил... Эта часть у нас на соседнюю улицу выходит. А преступники, похоже, через задний ход и ушли. Распределительный щиток у нас там. Я специально посмотрел. Вижу – лазил кто-то! Вот сукины дети!

– А кто у вас заказы принимает? – поинтересовался Крячко. – Ну, типа, кабинет отдельный заказать?

– А тебе кабинет понадобился? – удивился Степан Гаврилович. – Он тебе на что? Тебе здесь плохо, что ли? Извини, брат, но кабинет тебе не дадут. По крайней мере в ближайшие дня три-четыре...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.